

Д.Н. МАМИН
СИБИРЯК

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

С голоду (Повести и рассказы разных лет)

Уральская летопись «Три конца» открывает пятый том собрания сочинений Д. Н. Мамина-Сибиряка, также в том входят повести и рассказы 1891 года («С голоду», «Верный раб», «Братья Гордеевы», «Крупичатая»).

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0011
III.....	.0018
ПРИМЕЧАНИЯ.....	.0023
С ГОЛОДУ Рассказ.....	.0023

**Дмитрий Наркисович Мамин-
Сибиряк
С голоду**

... Настоящее вешнее солнце освещало изрытый ухабами челябинский тракт. Степан шел стороной, выбирая места посуше. Встречные обозы имели самый жалкий вид: не было проезда ни на колесе, ни на полозьях. Воза с кладью сидели по нескольку часов то в пропитанном вешней водой снегу, то на голых местах, где чернела земля. Вся беда в том, что вешнее тепло ударило рано, недели за две до благовещенья. Раза два возчики останавливали Степана и просили помочь высадить завязнувший в снегу воз, – такому рослому мужику стоило только двинуть плечом. Степан молча подходил к телеге, пристраивался поудобнее, напирал плечом и только встряхивал головой – в нем не было силы... Возчики это чувствовали и с удивлением смотрели на обессиленного мужика, которым впору было забор подпирать.

– Да ты это што, дядя? – галдели возчики. – Глядеть на тебя, так гору своротишь, а силенки, как у худой бабы.

– А так... неможется... – сумрачно отвечал

Степан, стараясь не глядеть ни на кого. – Повредил малость.

– Да ты дальний, што ли, будешь-то?

– Нет... Вот тут с трахту повернуть влево, сейчас и наша деревня будет, Морошкина прозывается...

Возчики только переглядывались и качали головами: и влево и вправо от тракта захватила голодовка, значит и мужик обессилен с голоду. Может, сердяга не едал суток трое... А Степан сосредоточенно шагал дальше, чтобы поскорее уйти с чужих глаз: ему было и совестно за свое собственное бессилье и надо было передохнуть. Он действительно ничего не ел уже несколько дней и его пошатывало с голодухи. Идет-идет, а в глазах так и потемнеет, точно кто обухом по голове ударит. Степан выбирал сухонькое местечко, обогретое солнцем, и долго сидел, пока отдыхали ноги и спина. Тяжело ему было, несмотря на весеннее тепло и пригревавшее солнце, так тяжело, точно вот взял бы лег, да и умер... Кроме обозов, навстречу ему то и дело попадались пешеходы, которые с котомками за плечами тащились в город на заработки.

– Из городу, дядя? – окликали его мужики.
– Из городу... – мрачно отвечал Степан.
– А не слыхал, милый человек, как насчет работы?

– Никакой там работы негу, в городе... Задарма шесть недель прошлялся, а вот теперь домой бреду. Надо к пахоте готовиться... Дружно ударила весна-то, а земля не ждет.

– Это ты правильно... На Егория вешнего только ленивая соха не выезжает в поле. Так работы, значит, не нашел? Ну, такие твои счастья...

– Да и другие-протчии тоже... Так, из-за хлеба на воду можно колотиться: где дровец наколешь, где снег убереешь с крыши, а чтобы настоящей работы – не слышно што-то. В городе-то своих работников достаточно...

Все разговоры шли на один лад: о работе, о хлебе, о голодовке. Далеко она прошла, голодовка, – за Челябину, в степь. Ни хлеба, ни овса, ни сена, ни соломы. Которую скотину прикололи еще до рождества и съели, а лошадей продают совсем даром, да и то не берут. Спрашивавшие мужики смотрели на Степана и не верили, что нет работы; где же ей и быть, как

не в городе, где и богатых купцов видимо-невидимо, и господ, и чиновников.

– Напрасно идете... – уговаривал Степан.

– А уж што бог даст, милый человек... Не от радости идем...

Степану стало легче, когда он свернул с тракта на проселок; по крайней мере не видеть других голодных людей. До Морошкиной оставалось верст тридцать, ежели взять прямо полями, а через Пеньковку и все сорок. Пожалуй, засветло не дойдешь до Пеньковки... Чем ближе к дому, тем легче: только бы добраться до своей деревни. Ах, что там теперь делается... Смотался совсем народ православный: голодная зима всех съела.

Подходя к Пеньковке, Степан догнал мальчонку, который бойко вышагивал по стороне, помахивая палкой. Оказался свой, морошкинский, Сережкой звать.

– Откедова прешь, Сережка?..

– Из городу, – весело ответил мальчик. – А, это ты, Степа... А я было и не узнал тебя по первоначалу-то. Тоже из городу?..

– Из городу...

Сережа бойко поглядел своими еще дет-

скими серыми глазами на Степу и улыбнулся без всякой причины. Это был среднего роста деревенский мальчик, лет четырнадцати, с загорелым и покрытым веснушками курносым лицом. Одет он был уже на городскую руку: в рваный пиджак, в рваные сапоги и рваные плисовые шаровары. Светлым пятнам Сережкиной костюмировки являлась новенькая ситцевая рубашка, только что купленная на толкучем в Екатеринбурге.

– Чему обрадовался-то? – оговорил Степан мальчика. – Моешь зубы-то...

– Да я так, дяденька... По первоначалу-то я даже испугался: думаю, какой мужик гонится за мной, а потом гляжу – наш морошкинский Степа. Вместе-то веселее идти, а то я боялся через заводы один идти: трактовый народ, набалованный...

– Чего тебе бояться-то, мальчуга?

– А так, сам не знаю. В Пеньковке-то заночуем, Степа, а утре по холодку и стеганем в Морошкину. Больно уж я соскучился о своей деревне, так бы ровно вот бегом и побежал...

– И беги, кто тебе мешает...

Сережка опять замялся и только посмот-

рел на Степана своими детскими глазами. Радостное настроение Сережки отозвалось в душе Степана глухой болью, и голодный мужик недружелюбно посмотрел на него.

– Ты чего в городу-то делал? – сурово спросил Степан.

– А у попа в кучерах служил... С осени поступил на место, еще до первого снега. Лошадь у попа старая-престарая, а сам поп тоже старый, да скупой, да ворчливый... Все не по нем. По перевоначалу-то тяжело доставалось, бежать хотел, да наши деревенские в город сено продавать привозили и не велели место оставлять, потому как в деревне-то совсем, слышь, есть нечего.

В этих разговорах дорога скороталась незаметно, точно кто придвинул Пеньковку. Это была большая деревня, залегшая в глубоком логу по берегам речонки Озерной. Бойкое место Пеньковка, а теперь и в ней тихо, точно после пожара; оставались дома одни бабы с ребятами да старики, а мужики разбрелись в разные стороны на заработки.

– Голодают в Пеньковке-то... – заметил Сережка, шагая вперед. – Разве к Силантью попросимся ночевать, Степа?

Силантьева изба стояла ближе, и уставший Сережка выигрывал несколько шагов. Степан согласился молча: ему было все равно, где ни ночевать. В избе у Силантья оставались одни бабы – старуха со снохой.

– Шли бы вы куда-нибудь в другую избу, – посоветовала старуха.

– Притомились, баушка... Может, ты насчет еды сумлеваешься, так мы и так обойдемся; завтра дома поедим.

– То-то вот еда-то у нас, Степанушко: сами через день по кусочку съедим и все тут... Ре-

бятюшки вон плачут, хлебушка просят. Ох, нашел нас господь своей милостью... Заходите не то: везде одна сухота. А это никак ты, пострел Сережка?

– Он самый, баушка Василиса...

Зашли в избу, помолились и для порядку присели на лавку. Справно жил Силантий по своей силе, а теперь в избе совсем нежилым пахло. Молодуха сноха совсем исхудала, так что Степан не узнал ее, – она была из Морошкиной, еще соседкой приходилась. Всего четыре осени, как в Пеньковку ее выдали. Сережка притих сразу, как увидел голодавшую избу. Он молча положил свою котомку в угол и смотрел кругом удивленными глазами.

– С заработков иду, баушка Василиса... – печально говорил Степан. – Напрасно только время терял...

– Ну, хоть свою голову прокормил, Степанушко, а дома и этого негде взять.

– Об семье об своей соскучился, баушка... Как раздумалось в городе-то, так даже слеза прошибет: как-то они, мол, там горюют, а мне и выслать нечего... День поробишь, а три без дела шляешься.

– Ох, плохо у вас, в Морошкиной-то, Степанушко... Сноха Матрена на той неделе ездила к своим, так порассказала довольно: у нас худо, а в Морошкиной еще тошнее того... Мужики-то тоже разбрелись, а бабы с ребятами маются... Тоже через день едят... Ну и отощали: идет другая баба по деревне и повалится – голову стало обносить с голоду. Потом хворь прикинулась: животами больше маются. Охвостьем прежде свиней кормили, а теперь в хлеб мешают, да и охвостья-то не стало.

Поговорили, потужили, а потом, не поевши, залегли спать. С дороги Степан рад был месту. На полати к нему залез с своим узелком и Сережка.

– Ну, ты, поповский выкормок, мотри, я рано буду вставать, – ворчал Степан. – Как раз проспишь...

– А ты разбуди меня: веселее вместе-то.

– У тебя веселье одно на уме, дурак...

Лежа на полатах, еще поговорили. Между прочим, Сережка рассказал еще раз про свое житье у городского попа и прибавил, что несет домой целых шесть рублей – все свое жалованье, какое получил.

– То-то matka обрадуется, – похвалила Василиса, – в сиротстве вырос, а матке помощник. Тоже голодом сидят... Легкое место сказать: шесть целковых. Вот Степан-то и мужик, а и то пустой домой идет. Это тебе, Сережка, на сиротство господь послал... Совсем еще малец, а промыслил.

– А я по заводам-то боялся один идти, – рассказывал Сережка, поощренный этими похвалами, – народ заводский бойкий, да и трахтовые тоже хороши, а тут еще навстречу свои голодные мужики бредут... Вызнают, што я с деньгами, как раз ужокошат.

– Было бы кого убивать-то...

– Степан и то испугал меня, баушка, гляжу, мужик меня догоняет... В поле да в лесу один Никола бог.

В этих разговорах Степан не принимал никакого участия, а только тяжело вздыхал. Шесть целковых, которые нес домой Сережка, мучили и волновали его, точно укор его собственному пустому карману. И стыдно было Степану, и обидно, и горько... А там, дома, ждет непокрытая нужда и голод. Жена, поди, думает, вот воротится Степан из города с

деньгами и поправимся хоть до петровок, а там огороды поспеют, картошка, горох – как ни на есть перебьемся до свежего хлеба. Ах, далеко до этого свежего хлеба, а теперь и семян нет, и последняя лошаденка обессилела.

Все в избе давно заснули, а Степан лежит и все думает: не дают ему спать свои черные мысли. За сердце точно кто схватит, как подумает о Сerezкиных деньгах... Не велики шесть целковых, а в хозяйстве в такую пору большая разжива. Вот отчего Сerezжка так весело идет домой, а ему, Степану, хоть бы и не приходиться: невеликую радость принесет с собой. О чем ни думает Степан, а в конце все-таки к Сerezкиным деньгам повернет... Это даже испугало Степана, и он несколько раз принимался молиться, отгоняя закрадывавшуюся в сердце черную мысль. Сerezжка спит рядом, котомка в головах – всего протянуть руку, добыть деньги и потихоньку уйти с ними. Степана даже холодный пот прошиб от этой мысли, и на полатях ему кажется душно – давит его что-то, точно жерновом навалили. Так всю ночь промаялся Степан, а когда рассветало и бабушка Василиса по привычке затопи-

ла печку, он слез с полатей и начал собирать-ся в дорогу.

– А Сережку-то што не будишь, Степанушко? – спросила старуха. – Больно он вчера просил тебя, чтобы вместе идти...

– Будил, да крепко спит... Один дойдет.

– Умаялся тоже с дорога-то, сердешный, – согласилась старуха. – Ну, ин, пусть отдохнет, а потом и один добежит: не велико место двадцать верст. Да ты што, Степан, туманный какой-то?..

– Неможется, бабушка... Вот пойду, так ветерком обвеет.

Старуха по своему поняла это «неможется», – просто отощал мужик, и конец делу. Едва ноги волочит. Из сил выбился. И другие мужики такие же. Ох, плохо дело.

– Так я Сережку-то разбужу, – говорила старуха, провожая Степана за ворота. – Вострый паренек...

Степан ничего не ответил, а быстро зашагал вперед, точно хотел убежать от мучившей его всю ночь мысли о Сережкиных деньгах. Он ни разу не оглянулся и даже не сказал старухе спасибо за ночлег.

– Нет, неладное что-то попритчилось с мужикам, – вслух думала бабушка Василиса и пошла сейчас же будить Сережку – у ней в голове мелькнуло смутное подозрение относительно целости Сережкиных денег.

Когда Сережка сосчитал свои шесть целковых, бабушка Василиса облегченно вздохнула: напрасно подумала худое про голодного человека...

Идет Степан знакомой дорогой и думает: «А хорошо я сделал, что ушел от греха...» А бес так и смущал: стоило руку протянуть. Да и старуха тут толкалась все время, в случае чего прямо на него бы и подозрение пало. Нет, хорошо, что убрался во-время... Вот только голод донимал Степана и даже мутило на-тощак, а попросить кусок хлеба в знакомой деревне было неловко: все в лицо его знали. В последний раз он поел в заводе, на постоянном дворе – попросил у ямщиков. И стыдно было, да люди чужие, никому не расскажут.

Прошел Степан половину дороги и совсем выбился из сил. Ноги стали подкашиваться от усталости... Как на грех никого попутных не попадалось. А солнце уж совсем высоко и так припекает... Отдохнуть бы, полежать. Встретив недалеко стоявшую от дороги сенокосную избушку, Степан завернул в нее отдохнуть. Лег он на солому, закрыл глаза, а перед ним лицо Сережки и так улыбается весело...

– Господи, помилуй! – взмолился Степан.

Бессонная ночь взяла свое. Сколько време-

ни Степан спал в своей избушке – он не помнил, а только проснулся от какой-то песни. Кто-то шел по дороге и горланил. Степан выглянул из избушки: Сережка...

– Эй ты, непутевый, с какой радости песни горланишь? – окликнул его Степан.

– Да это ты, Степа? А я думал, што ты уж в деревне...

– Неможется мне... Прилег передохнуть, да и заснул.

– Будет отдыхать-то. Пойдем вместе...

– И то пора, Сережка...

Они пошли вместе, то есть Сережка впереди, а Степан за ним.

– А мне говорила баушка Василиса про тебя, Степа: туманный, говорит, такой пошел домой-то... Жалеет тоже.

Имя бабушки Василисы заставило Степана вздрогнуть, точно оно навело его на какую-то страшную мысль. В самом деле, он ушел вперед, а Сережка вышел после... Потом найдут Сережку где-нибудь в лесу, а чье дело – поди поищи. Опять холодный пот прошиб Степана, и он весь задрожал. Господи, что же это такое?.. И голова кружится, и в глазах ка-

кие-то красные пятна. А Сережка шагает впереди, и котомочка за плечами болтается. «Отнять у него деньги», – мелькает в голове у Степана предательская мысль. Но ведь Сережка прибежит домой и всем расскажет, а его, Степана, за разбой посадят в тюрьму. А голова так нехорошо кружится, и глаза застилает туманом...

– Сережка, куда ты бежишь, как угорелый!..

Сережка останавливается и видит такое страшное улыбающееся лицо, точно это не Степан.

– погоди, говорю...

Не успел Сережка остановиться, как удар кулаком по голове свалил его с ног. Мальчик едва успел крикнуть:

– Степа... што ты делаешь?!

Но Степа уже ничего не слышал, а схватил Сережку за горло и принялся душить. Мальчик сопротивлялся недолго и скоро перестал барахтаться. Степан схватил его котомку и бросился бежать. Ему все казалось, что Сережка гонится за ним и Сережкин тоненький голосок кричит: «Степа, что же ты делаешь?»

Степан, пробежав с полверсты, окончательно задохся. Ведь его могли увидеть с дороги, потом Сережка остался совсем близко у дороги – первый кто поедет и увидит, а по горячим следам и его догонят. Припомнил Степан, что убитые, если их не привязать, гоняются за убийцами. Оглядевшись, он вернулся назад, снес мертвого Сережку в ближний лесок и привязал его же поясом к березе, а сам стороной пошел в свою деревню.

Сережку нашли только через неделю, когда труп уже начал разлагаться. Степан вместе с другими слышал об этом, но не подал и вида, что знает что-нибудь о Сережке и что шел вместе с ним через Пеньковку. Приехал следователь, начали разыскивать, что и как. Степан начал задумываться и ходил как в воду опущенный. На четвертый день он не вытерпел и сам заявился к следователю.

– Я убил Сережку, ваше высокоблагородие...

– Зачем же ты его убил?

– С голоду... Враг попутал Сережкиными деньгами.

Со слезами рассказывал Степан, как вышло все дело, и, слушая его исповедь, плакали даже понятые. Хороший был мужик Степан и ни в чем никогда не был замечен.

ПРИМЕЧАНИЯ

С ГОЛОДУ

Рассказ

Впервые рассказ был напечатан в газете «Русская жизнь», 1891, 10 июля, за подписью: «Д.Мамин-Сибиряк», с примечанием: «Истинное происшествие».

Включая рассказ в сборник «Преступники» (1902), писатель снял примечание и провел стилистическую правку текста.

Второе издание сборника «Преступники» вышло в 1906 году.

В настоящем собрании сочинений текст рассказа печатается по изданию: «Д.Н.Мамин-Сибиряк. Преступники», 1906, с исправлением опечаток по предшествующим публикациям.

Е.М.Шуб